

Два Евросоюза – одна (и единая) Европа

Публикуемая статья написана по просьбе итальянского журнала «Лимес», с которым я давно и плодотворно сотрудничаю. Журнал этот посвящен вопросам геополитики и, как правило, делает каждый свой номер тематическим. В данном случае редакция «Лимеса» задумала выпустить номер о «Евророссии», то есть нашей стране, в широком контексте ее присутствия в европейской истории и цивилизации.

Статья «Два Евросоюза – одна (и единая) Европа» уже напечатана на итальянском языке (номер журнала с нею вышел в свет в конце апреля). И теперь я предлагаю ее вниманию читателей «Политического класса». При этом я намеренно оставляю статью именно в том виде, в каком она написана для зарубежной аудитории. Мне кажется, что в этом случае (и в частности, в моих прямых обращениях к этой аудитории, содержащихся в преамбуле статьи и в послесловии к ней) сохраняется нерв взаимонепонимания Европы и России. Нерв, который уже давно защемлен нашей вроде бы совместной, а в реальности во многом конфронтационной (и в первую очередь со стороны Европы) историей.

Если я правильно понял, что данный номер журнала *Limes* посвящен тому, что редакция назвала «Евророссией», то, во-первых, хочу поздравить авторов этой идеи с интеллектуальным просветлением, которого я давно уже не наблюдал за границами России по отношению к ней (к сожалению, и в России нечасто наблюдаю). Во-вторых, отмечу, что, хотя сам термин «Евророссия» абсолютно неправилен географически и политически, я бы даже сказал – вульгарен и в научном, и в обыденном смысле, да и просто не нравится мне, проблема, которая этим термином (скорее, ярлыком) маркирована, очень важна. Настолько важна, что от того, как эту проблему расшифруют (сначала), а затем и решат все европейские народы и страны, а также их правящий класс, зависит судьба и будущее и Европы. Причем Европы как общности опреде-

ленных людей (европейцев) и европейской цивилизации в целом – как того, что мы, Россия, не только любим и ценим, но чем мы являемся и хотим оставаться.

Однако тема, предложенная редакцией, столь обширна, что ни в какой – даже самый пространственный – журналный текст вместить ее во всех значимых ипостасях, да еще оснастив свои рассуждения соответствующей аргументацией, невозможно. Вот почему в этих, как и в других подобных случаях, я выбираю тот жанр изложения своих соображений, который позволяет при минимуме слов затронуть максимум граней проблемы. Это жанр тезисов: утверждения почти без доказательств, категоричность формулировок и игнорирование (в данном тексте) возможных возражений и недоумений.

Сделав это предупреждение, я приступаю к изложению того, в чем глубоко убежден и считаю

должным (почти до уровня императивности) всем нам и хорошо представлять, и делать.

1. Россия является европейской страной в самом точном и безукоризненном смысле этого слова. И никаких оговорок и уточнений при этом делать не нужно. Точнее говоря, при упоминании этой – казалось бы, дихотомической – конструкции «Европа–Россия» нужно сделать всего три уточнения (идя в своем анализе в глубь рассматриваемой проблемы). Причем совсем не те, которые обычно делаются что на Западе, что – чаще всего – и в самой России не самыми прозорливыми нашими историками и политическими мыслителями.

2. Конечно, когда постмодернизм окончательно (или почти окончательно) покрыл своими путами наше сознание и наши политические представления, то есть когда напи-

санные тексты стали важнее реальности, а растиражированные в них догматы и спекуляции превзошли своим объемом реальные факты и, судя по всему, самую истину, упорствовать в заблуждении об изначальной и фатальной разделенности Европы и России и даже их антагонистическом противостоянии привычно и удобно. Но все-таки, раз уж дело дошло до вопроса о выживании европейской цивилизации, такие привычки и такой интеллектуальный гедонизм становятся и безответственными, и, осмелюсь сказать, общественно опасными.

3. Какие три оговорки можно (и нужно) сделать при выделении России из числа других стран Европы, а русского народа – из числа других европейских народов? Первая: Россия, безусловно, является отдельной и специфической частью европейской цивилизации – русской (российской) субцивилизацией. Вторая: Россия относится к числу тех немногих (фактически только двух – еще и Великобритании до попадания последней после Второй мировой войны под военно-политический контроль США) европейских стран (держав), которые на протяжении многих веков подряд (Россия – с 1380 года) обладали максимальной внутренней суверенностью и международной независимостью. То есть, проще говоря, последние шесть веков Россия в отличие от всех остальных континентальных европейских стран – что во внутренней, что во внешней политике – была максимально самостоятельной и свободной (кроме краткосрочных эпизодов). Как уж Россия пользовалась этой самостоятельностью и свободой с точки зрения ее народов и с точки зрения других стран и народов – вопрос отдельный. Но европейские соседи России таким качеством просто не обладали. Третью оговорку (уточнение) я сделаю чуть ниже (тезис 9-й).

4. Ни в какой-либо исторически значимый период этих последних шести с лишним веков Россия не находилась под чужим управлением. Никогда полностью не была оккупирована (хотя бы на один день) вся территория России и даже просто преимущественная часть нашей территории. Никогда Россия не входила в военные союзы и политические коалиции на правах младшего союзника, подчиненного, сателлита, вассала, протектората и пр. Наоборот – Россия либо возглавляла создаваемые ею самой и вокруг нее союзы и коалиции, либо входила в эти союзы и коалиции на правах одного из немногих главных и равных членов таких коалиций и союзов.

5. Понятно (понятно и нам, русским), что такое привилегированное положение России вызывает у многих наших европейских соседей зависть или раздражение, или опасения и даже страх. Впрочем, история предоставляла случаи и возможности получить (или завоевать, принеся определенные жертвы) такую привилегию многим народам Европы. И не наша вина, что они этими случаями и этими возможностями не воспользовались.

6. Таким образом, в историческом характере России и русских выработалась стойкая привычка никому и ни при каких обстоятельствах не подчиняться и никому не кланяться. Любое отступление от этого императива, ставшего чертой национального характера (а такие отступления из-за поведения правящего класса России бесспорно, но на исторически очень краткие периоды случались), расценивалось населением России как катастрофическое нарушение нормы, привычного хода жизни, как национальное предательство тех, кто на эти отступления (не важно, в силу каких причин) шел. Одна из причин поражения (в ходе Гражданской войны 1918–1920-х годов) Белой армии от большевиков, то есть

Красной армии, состояла как раз в том, что белых массово и очевидно поддерживали (и они эту поддержку призывали и принимали) вооруженные силы и правительства иностранных государств. Одна из причин нашего отношения к 90-м годам XX века как к проклятому времени состоит как раз в том, что тогдашние правители России проводили свои реформы и свою политику либо под диктовку США, либо по согласованию с ними. Независимость и «никому неподчиненность» России (и исключений быть не может, ибо не может быть никогда) есть одна из высших нравственных, психологических и политических ценностей граждан России вообще и русских – в особенности. Этого просто не могут понять жители большинства стран Европы, ибо они такой ценностью никогда на более или менее долгий срок не обладали, а следовательно, вкуса и неотвратимой притягательности ее не знают и знать не могут.

7. На протяжении всех последних веков Россия была сюзереном многих других вассальных государств или территорий или военным и политическим защитником (опекуном) многих стран и народов.

8. Россия и поныне остается единственной в Европе (и одной из двух существующих сейчас в мире – вместе с Китаем) континентальной империей. Я не намерен сейчас расшифровывать термин «империя». Отмечу лишь, что я беру его в самом нейтральном смысле, а также исхожу из того, что континентальные империи – а Россия особенно, существенно, а порой и радикально – отличаются от морских империй (сегодня это США, когда-то и отчасти сегодня – Франция, Испания, Португалия, Великобритания, разумеется, и др.).

9. Третья оговорка, которую можно и нужно сделать, выделяя Россию из других европейских стран, состоит в том, что по многообразности и сложности своей

Россия сопоставима ныне только со всей остальной Европой в целом. Нет ни одной другой страны Европы, в состав которой входило бы одновременно множество территорий (субъектов Федерации, согласно Конституции России), являющихся не только христианскими (православными), но и мусульманскими (до десятка), и буддистскими (целых три – Калмыкия, Бурятия, Тува). Таким образом, нынешнее единое государство Россия (и таковым оно было все последние века, а в период существования под именами Российская империя и Советский Союз даже более, чем сейчас) по своему внутреннему составу многообразнее и сложнее, чем Европейский союз (то есть союз многих государств) в целом.

10. Сумма утверждений, изложенных мною в предыдущих девяти тезисах, неизбежно приводит к следующему выводу. Россия является: 1) самым сложным, 2) ни на одно другое не похожим, 3) самым независимым (даже сейчас, при своей нынешней ослабленности) государством Европы. При этом нелишне напомнить (а некоторые на Западе просто этого не знают – или не осознают), что Россия – это самое большое по территории государство Европы, а русский народ – самый многочисленный европейский народ. И между прочим, самый большой на сегодняшний день разделенный народ Европы: 25–30 миллионов русских живут (после распада Советского Союза) за пределами официальных границ Российской Федерации, причем большинство из них – на Украине. Последний фактор слишком важен для России и для русского народа вообще также потому, что в таком состоянии русский народ никогда за всю свою историю не находился. И естественно, этот фактор оказывает сильнейшее, хотя чаще всего не прямое и официально не декларируемое влияние и на внутреннюю, и особенно на внешнюю политику России.

11. Чтобы завершить (в рамках данных тезисов, но далеко не полное) описание субъекта мировой и европейской политики, называемого Россией, я приведу несколько определений (названий) нашей страны, которые мне кажутся более точными, чем самое краткое и привычное (то есть Россия): Российский союз, Российский Восточноевропейский союз, Российский Евразийский союз. Словом, Россия есть Страна стран, или Союз стран и народов во главе с русским народом и вокруг него.

12. Евроатлантическая цивилизация в настоящее время, простираясь на территориях Европы, части Азии и в Северной и Южной Америке (плюс Австралия и Новая Зеландия), состоит из трех главных и наиболее активных (последние двести лет) геополитических субъектов. Ныне они называются Европейский союз (самый старый исторически, но не под нынешним названием), Российский союз (ранее известный как Российская империя и Советский Союз) и Соединенные Штаты Америки (самый молодой субъект).

13. Выживание и дальнейшее процветание евроатлантической (христианской) цивилизации возможно лишь при переходе от постоянной конкуренции и даже конфронтации (вплоть до военной) между этими субъектами к их искреннему и равноправному союзничеству. В настоящий момент этому препятствуют США и Евросоюз.

14. Теперь – для удобства рассуждений – вынесем за скобки (за океан) Соединенные Штаты Америки и будем упоминать их только в случае крайней необходимости. Даже несмотря на то, что в реальной политической практике вынести США за скобки просто невозможно. Они везде и всюду, что создает немало, а может быть, и большинство проблем единству евроатлантической цивилизации (по линии раздела Запад–Россия уж точно).

15. Европейская (христианская) цивилизация все последние века своей истории была разделена внутри себя на два главных субъекта европейской политики – Западную Европу (группа ведущих западноевропейских стран) и Россию, между которыми находились страны и территории, время от времени переходившие под контроль то одной, то другой стороны.

16. Историческая разделенность Европы на Запад (правда, сам термин появился лишь в Новейшее время, но им удобно пользоваться) и Россию, или, что почти одно и то же, на западнохристианскую (католическо-протестантскую) и восточнохристианскую (православную) части европейской цивилизации, создавал Европе и ее народам много проблем и порождает много трагедий, в том числе и глобальных. Например, все войны, носящие официальное название мировых или такковыми на самом деле являвшиеся (Наполеоновские войны), были по сути и в первую очередь внутриевропейскими войнами. Из этого, между прочим, следует, что именно Европа, претендующая на титул самого цивилизованного, гуманного и миролюбивого субъекта мировой политики, начинала и распространяла на окружающее пространство все самые кровавые военные конфликты. Фактически она же производила и наибольший объем оружия (средств уничтожения людей).

17. Вместе с тем постоянная внутриевропейская конкуренция (между Западом и Россией) являлась тем двигателем внутреннего сгорания, который позволял европейской цивилизации развиваться быстрее и успешнее других. Следовательно, цивилизационное, интеллектуальное и политическое лидерство европейской цивилизации, которое мы наблюдали последние пять веков и которое сейчас постепенно ослабевает, есть производное от конкуренции между Западом (Европы) и Россией.

18. Оба главных субъекта европейской (а до начала XX века и мировой) политики, конкурируя и даже воюя друг с другом, распространяли идеи и ценности европейской цивилизации и расширяли ее границы, не согласуя эти свои действия. Запад Европы (Англия, Франция, Испания) расширил европейскую цивилизацию на Америку. Россия – на значительную часть Азии – до Тихого океана (Сибирь, Дальний Восток, Центральная Азия). Следовательно, и Западная Европа, и Россия в равной степени являются и основателями, и держателями нашей общей евроатлантической цивилизации в ее нынешних границах.

19. Причины и историю развития многовекового внутриевропейского противостояния и сложившегося в ходе этого противостояния разделения Европы на Запад и Россию нужно разбирать отдельно. Сейчас важно зафиксировать три принципиальные позиции. Первое: такое разделение есть. Второе: несмотря на постоянные и стереотипные обвинения, бросаемые России Западом, – обвинения в агрессивности, экспансионизме, империализме и (в настоящий момент) неоимпериализме, – именно Запад (западноевропейские страны) начинал большинство внутриевропейских войн. Именно западноевропейские страны постоянно пытались распространить свою военную, политическую, религиозную и территориальную экспансию на Восток Европы, на Россию, на территории, уже дружественные или подконтрольные России (Южный Кавказ, Центральная Азия). Территориальная же экспансия России, как правило и в большинстве случаев, развивалась в противоположном Западной Европе направлении: на восток (за Урал, в Сибирь, к Тихому океану) или на юг (Кавказ, Центральная Азия), где никогда никаких исторических владений Запада не было. Третье: проявляя обоюдную инициативу, Россия и Западная Европа действи-

тельно конкурировали и воевали друг с другом лишь в пространстве, лежащем между ними (страны и территории Центральной и Восточной Европы). Только в истории борьбы за это пространство и эти территории Россия может признать свой «антизападный империализм», но только в той мере, в какой и Запад должен признать свой «антироссийский империализм» на этом пространстве. По мнению большинства русских, наш «империализм» здесь был и менее агрессивен, и, как правило, не выходил за границы православной ойкумены (а западный – постоянно выходил за исторические пределы католическо-протестантского мира) и носил преимущественно оборонительный, а не наступательный характер.

20. К началу XXI века, то есть к сегодняшнему дню, мы, Россия и Запад (в неправильной транскрипции – Россия и Европа), подошли со всем этим историческим опытом, воспринимаемым на Западе чаще всего и по преимуществу как опыт негативный, а в России – как смесь негативного и позитивного. Так или иначе, но зафиксировать разделенность Европы мы должны. Равным образом мы должны признать как минимум обоюдную ответственность за эту разделенность. Наконец, мы должны признать, что при сохранении этой разделенности европейская цивилизация имеет очень мало шансов на историческое выживание именно в том состоянии и качестве, за которые мы эту цивилизацию любим и ценим, благодаря которым мы и являемся теми, кого мы сами считаем европейцами и кого за таковых признают другие.

21. Россия, безусловно, заинтересована в единстве Европы и многократно стремилась к такому единству демонстрировала. В искренности призывов Запада к единству Европы (всякие концепции «общего европейского дома» и пр.) мы сомневаемся и имеем на то основания.

22. Если нам не удастся прийти к такому единству (из-за сопротивления как раз Запада), то, по моим предположениям, первым из трех главных субъектов евроатлантической цивилизации рухнет (или переродится в исламский субъект) Евросоюз. После чего, скорее всего, наступит очередь и России. Однако возможно, что крушение Евросоюза приведет к массовому бегству европейцев именно в Россию, благодаря чему наши шансы на выживание значительно возрастут. США в этом случае просто минимизируются до своих естественных границ и полностью выпадут из европейской цивилизации, превратившись в ее исторический «заморский департамент», но без метрополии.

23. Многочисленные проблемы и противоречия, разделяющие сегодня Запад (Европы) и Россию, являются по преимуществу производными (иногда просто техническими производными) от двух фундаментальных факторов. Фактора разделенности Европы и фактора европейского (западноевропейского) эгоцентризма. Благодаря последнему Европа «готова признать» Россию Европой, причем лишь «частью Европы», причем «наименее европейской частью Европы». Но и то лишь в случае фактического подчинения России Европе (европейским институтам, «ценностям» и пр.).

24. Это совершенно беспринципная позиция и бесперспективная политика. Россия не нуждается в признании себя кем-либо. Россия никогда (пока существует) не будет подчиняться находящимся вне ее территории и ее политических институтов силам и лицам. В будущих битвах (если они случатся) конфликта цивилизаций Россия способна выжить и сама – и имеет на это больше шансов, чем подавляющая часть других стран Европы и Евросоюз в целом.

25. Россия пойдет только на равноправный союз с Европой, то есть с Евросоюзом. Причем она придет к

этому союзу не в одиночку, а во главе своего собственного (Российского) союза, примерно совпадающего с историческими границами Российской империи и Советского Союза (восточноевропейского православия).

26. Несмотря на то что часть правящей элиты России готова и дальше терпеть и эксплуатировать в своих собственных эгоистических интересах единственную отчетливо реализуемую сегодня Западом по отношению к России политику эксплуатации России как сырьевого придатка Европы и рынка для сбыта ее товаров, большинство населения страны и все более значительная часть ее элиты и от теории, и от практики этой унижительной политики намерены отказаться. Я, например, давно призываю российский политический класс и российский бизнес не только отказаться от этой унижительной формулировки, но для начала заменить ее на другую: Запад есть технологический придаток России.

27. Именно в России сосредоточена наибольшая часть природных богатств, которыми располагает европейская цивилизация. Но распорядителем этих богатств (дефицит которых ощущается теперь гораздо острее, чем дефицит товаров или даже культурных ценностей) является Российское государство. И по праву – так как именно благодаря русскому народу эти богатства получены, освоены и закреплены за европейской цивилизацией.

28. В своем стремлении «сблизиться с Европой», даже путем фактического подпадания под юрисдикцию не нами созданных европейских институтов, чем бы это стремление ни объяснялось, ни один российский президент не сможет перейти той красной черты, которая проложена историей и сознанием русского народа и Российского государства. От своей независимости и максимально возможной в условиях глобализации внутренней суверенности Россия не откажется никогда. Преж-

де всего потому, что сразу после такого отказа, если он случится, Россия перестанет быть Россией.

29. В процессе реального, а не спекулятивного, пропагандистского или притворного объединения Европы мяч давно уже (можно спорить – последние столетия или десятилетия) находится на стороне Запада. Россия к этому готова. И вот на каких условиях.

30. Запад и значительная часть Центральной Европы являются канонической территорией Евросоюза. Часть Центральной Европы, часть Восточной Европы, весь Кавказ и вся Центральная Азия являются канонической территорией России. Два равноправных Евросоюза – реальность, неизбежность и необходимое условие объединения Европы.

31. Общеввропейские институты строятся не под юрисдикцией и не под контролем ныне существующих и так называемых институтов, а совместно – Евросоюзом и Россией (употребляю эту требующую некоторых пояснений формулу для краткости).

32. Нормы жизни (включая и политическую жизнь) внутри обоих Евросоюзов могут различаться. Вмешательство во внутреннюю жизнь друг друга исключено.

33. Искренность и добропорядочность Евросоюза в желании строительства «одной Европы» проверяются следующими стремительно реализуемыми шагами: прекращением всей антироссийской деятельности на постсоветском пространстве; полным и официальным отказом от расширения НАТО дальше тех границ, которых Североатлантический альянс на данный момент достиг; заключением между Россией и Евросоюзом военного союза, обязывающего обе стороны в случае нападения на одну из них немедленно выставить свои войска для защиты союзных границ и территорий (проще говоря, русские войска должны быть готовы защищать французский Брест, а евросоюзовские вой-

ска – русский Владивосток). После этих трех очевидных и обязательных шагов – заключение договора о снятии всех визовых барьеров между двумя союзными союзами. Параллельно должна вестись разработка суммы экономических договоров о создании действительного общеевропейского рынка.

34. Предложенная Дмитрием Медведевым идея создания новой системы общеевропейской коллективной безопасности, при всей своей привлекательности, абсолютно нереализуема в условиях сегодняшней разделенности Европы и нежелания Запада (и в первую очередь США) эту разделенность ликвидировать, заменив ее созданием настоящего Общеевропейского союза (или Союза Евросоюзов). Вообще создание Союза Евросоюзов (Союза Евросоюза и Российского союза) требует, помимо прочего, решения еще двух важнейших проблем: ухода США как политической и – тут уж без всяких условий и оговорок – военной силы из Европы. Организация НАТО должна быть либо распущена, а вместо нее создана военная организация Евросоюза. Либо США должны выйти из НАТО, отдав полную власть в этой организации европейцам. Создание – в перспективе – новых общеевропейских институтов и органов – вплоть до Общеевропейского парламента и некоторых органов исполнительной власти (протоправительства).

35. Союз Евросоюзов в целом или оба входящих в него союза по отдельности должны предложить Американскому союзу (как части евроатлантической цивилизации) заключить тройственный военно-политический оборонительный договор, предполагающий абсолютную внутреннюю политическую уверенность каждого из участников этого договора.

Предполагаю, что практически все, изложенное мною в этих тезисах в качестве желаемого и рекомендуе-

мого, представится большинству европейских читателей данной статьи либо как беспочвенная фантастика, либо даже как политическая графомания. Я готов к такой реакции, и она меня не смущает.

Я уже много лет слышу от многочисленных сторонников построения то ли «обшеевропейского пространства», то ли «обшеевропейского дома» рассуждения о том, как хотелось бы это «пространство» создать, а этот «дом» построить.

Я всегда скептически высказывался об этих рассуждениях и этих предложениях. И по одной причине: все они, исходящие что от европейцев, что от русских, увлеченных этим прожектом, либо игнорируют фундаментальный фактор разделенности Европы, либо, скорее всего, надеются как-то незаметно и без всяких волевых и интеллектуальных усилий, да еще с минимальной трансформацией сложившейся европейской архитектуры, а желательно и вообще без такой трансформации, через этот фактор перескочить.

Не получилось до сих пор и не получится в дальнейшем. Есть препятствия, которые можно преодолеть только в случае их демонтажа. Изложенные выше тезисы и есть план такого демонтажа.

Я понимаю, что время для осознания неизбежности этого еще не пришло. Точнее – не пришло в головах европейцев, хотя реальная жизнь такой вопрос давно поставила.

По моим прикидкам, на осознание неизбежного нам осталось еще 15–20 лет. Дальше вопрос о сохранении Европы (а не Евросоюза или России только), возможно, и задавать будет бессмысленно. Ибо на него начнет отвечать уже жизнь, стучающаяся в каждый, даже самый комфортабельный, европейский дом и в каждый, даже самый антироссийски настроенный, парламента. Причем я не уверен, что стучаться она будет просто кулаком...